

О. И. Кохно (Минск, Беларусь)

А. С. Пушкин в творческом наследии М. И. Цветаевой («Мой Пушкин»)

Вся его наука –
Мощь. Светло – гляжу:
Пушкинскую руку
Жму, а не лижу.

М. Цветаева

М. И. Цветаевой присуще поэтическое видение мира, и это проявилось не только в её ярких, эмоциональных и искренних стихах, но и во всём, что ею было написано. Книга «Мой Пушкин» впервые была опубликована в 1967 году. В дальнейшем она неоднократно переиздавалась. В ней увидели свет «Стихи к Пушкину», статьи, письма и черновые тетради, где упоминается его имя, а также эссеистика: «Мой Пушкин», «Пушкин и Пугачев», «Наталья Гончарова».

Очерк «Мой Пушкин» был написан в 1937 году и, думается, в нем наиболее полно и откровенно выражено отношение М. Цветаевой к своему великому предшественнику. От зрительного восприятия трагической картины «Дуэль» Наумова в раннем детстве, когда уже закладывалось представление о добре и зле, к такому родному памятнику Пушкина на Тверском бульваре, а затем к постижению красоты его стихов и прозы, когда порой на интуитивном уровне ребенок чувствовал всю глубину таких человеческих отношений и переживаний, как любовь («Цыганы», «Евгений Онегин»), разлука («К няне»), одиночество («К морю»).

В очерке присутствует два плана восприятия Пушкина: яркое и эмоциональное детское, основанное на воспоминаниях; и с позиции зрелого человека, который оценивает всё с высоты прожитых лет. Они, несомненно, перемежаются и дополняют друг друга. Субъективно-личное, лирическое доминирует в очерке, но при этом есть и важные выводы, которые исходят от человека, имеющего уже немалый жизненный опыт.

Интересно определить характер выводов, которые делает Марина Цветаева и проследить, как это эмоционально-лирическое перетекает в обобщения и констатации. Уже в самом начале она говорит о жалости, которая проснулась в ее душе, к Пушкину, который был убит: «Дантес возненавидел Пушкина, потому что сам не мог писать стихи, и вызвал его на дуэль, то есть заманил на снег и там убил из пистолета в живот. Так я с трех лет твердо узнала, что у поэта есть живот» [1, с. 34]. И дальше вывод: «*Нас этим выстрелом всех в живот ранили*» (курсив мой. – О. К.) [1, с. 34]. Кого «нас»? Думается, что Цветаева здесь говорит обо всех поэтах, а, возможно, и обо всех потомках, которые воспринимают гибель поэта как свою личную боль. Размышляя о причинах смерти Пушкина, она пишет: «Было двое: любой и один. То есть вечные действующие лица пушкинской лирики: поэт – и чернь. Чернь, на этот раз в мундире казачьего гвардейца, убила поэта. А Гончарова, как и Николай 1-й – всегда найдется» [1, с. 34]. Тем самым подчеркивается вечное противостояние гения и эпохи, какой-то неизбежный рок, который преследует истинных поэтов. А далее следует горькое признание: «С тех пор, да, с тех пор, как Пушкина на моих глазах на картине Наумова – убили, ежедневно, ежечасно, непрерывно *убивали все мое младенчество, детство, юность* – я поделила мир на поэта – и всех, и выбрала – поэта, в подзащитные выбрала поэта: защищать поэта – от всех, как бы эти все ни одевались и ни назывались» (курсив мой. – О. К.) [1, с. 35]. Так, детское восприятие, может быть, несколько наивное и мифологическое, накладывает печать на всю жизнь, формирует нравственную позицию, основанную на понятиях справедливости и добра. Не случайно позже она с убежденностью напишет: «Да, что знаешь в детстве – знаешь на всю жизнь, но и: чего не знаешь в детстве – не знаешь на всю жизнь» [1, с. 64]. Имеется в виду эмоциональный опыт, который остается в памяти навсегда. Подтверждением тому – памятник Пушкину, который был «не воспоминание, а состояние». Стоящий в центре Москвы, он был настоящим «действующим лицом детской жизни» Цветаевой. Она признается, что

любила бежать к нему, обходить, а потом, подняв голову, смотреть на этого черного, вылитого из бронзы, великана. Возникает прекрасный образ, поистине поэтический: «То, что вечно, под дождём и под снегом – о, как я вижу эти нагруженные снегом плечи, всеми российскими снегами нагруженные и осиленные африканские плечи! – плечами в зарю или в метель, прихожу я или ухожу, убегая или добегаю, стоит с вечной шляпой в руке, называется «Памятник Пушкина» [1, с. 36]. Первые жизненные уроки были связаны с этим местом: «Первый урок числа, первый урок масштаба, первый урок материала, первый урок иерархии, первый урок мысли...» [1, с. 38]. Предпочитая черный цвет белому, Цветаева с горечью отмечает, что навсегда тогда выбрала: *«черную думу, черную долю, черную жизнь»* (курсив мой. – О. К.) [1, с. 38]. И вновь поэт находит истоки своей судьбы в детстве, определяя их скорее в негативном ключе, чем в положительном. Восхищаясь памятником и видя в нем символ, она отмечает: «Но с цепями и камнями – чудный памятник. Памятник свободе – неволе – стихии – судьбе и, конечно, победе гения: Пушкину, восставшему из цепей» [1, с. 41].

Значительная часть очерка посвящена восприятию творчества Пушкина, его поэм, стихов. Любовь к произведениям Пушкина проснулась с шести лет, когда втайне от родителей Марина читала в шкафу красивый том собрания сочинений: *«Пушкина читаю прямо в грудь и прямо в мозг»* (курсив мой. – О. К.) [1, с. 44]. «Цыганы», «Капитанская дочка», «Евгений Онегин» – все это входило в духовный мир будущей поэтессы, вызывая сильный отклик. Любовь – это «когда жарко в груди, в самой грудной ямке (всякий знает!) и никому не говоришь – любовь» [1, с. 44]. «Пушкин меня заразил любовью. Словом – любовь» [1, с. 47].

Одно из самых запоминающихся мест в очерке – это восприятие романа «Евгений Онегин». Первое – это детское впечатление от сцены объяснения Онегина и Татьяны в театре, когда стало углубляться понятие «любовь» (он не любил, она любила), а второе – как повлиял этот душевный переворот на всю ее жизнь. Она констатирует: *«Я с той самой минуты не*

захотела быть счастливой и этим себя на нелюбовь – обрекла» (курсив мой. – О. К.) [1, с. 51]. Причина – в Татьяне, которая стала образцом поведения настоящей русской женщины с чувством собственного достоинства и милосердием. Татьяна счастливее Анны Карениной, потому что нашла в себе силы сделать выбор в пользу мужа, но она несчастна, потому что всегда любила другого человека – Евгения Онегина. Выбор определяет все. «Если я потом всю жизнь по сей последний день всегда первая писала, первая протягивала руку – и руки, не страшась суда, – то только потому, что на заре моих дней лежащая Татьяна в книге, при свечке, с растрёпанной и переброшенной через грудь косой, это на моих глазах сделала. И если я потом, когда уходили (всегда уходили) не только не протягивала вслед руки, а головы не оборачивала, то только потому, что тогда в саду, Татьяна застыла статуей. Урок смелости. Урок гордости. Урок суровости. Урок судьбы. Урок одиночества» (курсив мой. – О. К.) [1, с. 52]. Рассказав историю замужества своей матери, Цветаева в ее линии поведения также усмотрела влияние пушкинской Татьяны. «Между полнотой желания и исполнением желаний, между полнотой страдания и пустотой счастья мой выбор был сделан отродясь – и дородясь», – говорит она [1, с. 52]. Так, обращение к пушкинскому наследию дает повод размышлять о себе, думать о своей личной судьбе.

В очерке рассказывается, что был тайный Пушкин и явный. Новое подаренное издание не было столь любимо, но хрестоматия понравилась. Многие стихи Пушкина упоминаются в очерке, и каждому дается выразительная оценка. Это «Полтава»: «Историческому Пушкину своего младенчества я обязана незабвенными видениями» [1, с. 53]. Это «Бесы», самое страшное из любимых, где строки: «Сквозь волнистые туманы пробирается луна / На печальные поляны льет печальный свет она», – вызывают глубоко прочувствованный поэтический комментарий. Упоминание ямщика в стихотворении («Что-то слышится родное в вольных песнях ямщика») рождает воспоминание о народной песне: «Вы очи, очи

голубые, / Зачем сгубили молодца? / О, люди, люди, люди злые, / Зачем разрознили сердца?». Пушкинское и народное сливается в сознании поэтессы в одно единое целое. «Все это называется Россия и мое младенчество, и если вы меня взрежете, вы, кроме бесов, мчащихся тучами, и туч, мчащихся бесами, обнаружите во мне еще и те голубых два глаза. Вошли в состав» [1, с. 62].

М. Цветаева глубоко проникает в суть пушкинских строк, видя в их содержании и форме подлинное народное чудо. Так, автор очерка удивляется силе и нежности чувства поэта, выраженного в стихотворении «К няне»: «Подруга дней моих суровых – / Голубка дряхлая моя...». Все стихотворение, как и другие, пропущено сквозь призму своего личного восприятия. Кто такая «голубка», «подруга»? Почему такое обращение? «Одна в глуши лесов сосновых / Давно, давно ты ждешь меня». Акцент делается на том, что больше жаль даже не няню, а самого Пушкина, который «не придет никогда». «Она – одна, а его совсем нет!» [1, с. 62]. Так, М. Цветаева щедро делится с нами своими открытиями, сокровенными мыслями и чувствами, связанными с гениальными строками стихов Пушкина. Субъективный опыт прочтения – тоже открытие для других, нас.

Сильные эмоции были вызваны в детстве стихотворением «К морю», которое переписывалось много раз от руки: «Прощай, свободная стихия...». «Стихия – это, конечно, стихи, и ни в одном другом стихотворении это так ясно не сказано. А почему прощай? Потому что когда любишь, всегда прощаешься. Только и любишь, когда прощаешься» [1, с. 67]. Это было прозрение детства. В конце очерка, возвращаясь к этому стихотворению Пушкина, М. Цветаева делает такой вывод, ставший итогом этой прекрасной работы: «...я все вещи своей жизни полюбила и пролюбила прощанием, а не встречей, разрывом, а не слиянием, не на жизнь – а на смерть» (курсив мой. – О. К.) [1, с. 76], но «"свободная стихия" оказалась стихами, а не морем, стихами, то есть единственной стихией, с которой не прощаются – никогда» [1, с. 76].

Таким образом, Пушкин вошёл в жизнь М. Цветаевой в детстве: и своей трагической судьбой, и величественным образом памятника в Москве, и, конечно, творчеством. Любовь к нему и восхищение перед его гением она пронесла через годы. Он стал частью ее духовной жизни, повлиял на внутренний мир. Во многом те открытия и уроки, которые были сделаны тогда (нравственного и этико-философского плана), предопределили её судьбу личную и поэтическую. Важной особенностью эссе Цветаевой является то, что обращение к Пушкину и его наследию даёт ей возможность соизмерить свой дар с величиной его гения, а также осмыслить собственную, исполненную горестей, потерь и печалей, судьбу. Причем, истоки ее – в детстве, истоки сложного, тернистого пути, но единственно верного.

Литература

1. Цветаева, М. Мой Пушкин /М. Цветаева – М.: Сов. писатель, 1981. – 224 с.